

Министерство высшего и среднего
специального образования
Республики Узбекистан
Гулистанский Государственный
университет

РЕФЕРАТ

ТЕМА: Матриархат: новый взгляд на старую проблему

Выполнил: студентка 4-14 гр Гемазутдинов Ф
Принял: Самадов Б

Матриархат: новый взгляд на старую проблему

Х.М. Думанов, А.И. Першиц
Матриархат: новый взгляд на старую проблему

Думанов Хасан Мухтарович - доктор исторических наук,
директор Кабардино-балкарского научного центра РАН.

Першиц Абрам Исакович - доктор исторических наук,
главный научный сотрудник центра.

Буквальное значение слова "матриархат" - власть матерей, его общепринятое понимание - женовластие. В школе нас учат, что в древнейшей истории человечества женовластие (матриархат) предшествовало мужевластию (патриархату). Много говорится о матриархате и в специальной историко-этнологической литературе. Беда только, что говорится по-разному. Одни авторы утверждают, что матриархат был, другие - что его не было; иные пишут, что было нечто вроде матриархата, и только немногие пытаются выяснить, что же именно было. Сравнительно недавно к этому хору историков присоединились представители других специальностей. Создатель концепции стабильности женского и подвижности мужского пола на разных уровнях организации живого В.А. Геодакян сделал вывод о том, что матриархат не только существовал в прошлом, но и снова наступит в будущем [1]. О грядущем возвращении к матриархату пишут и некоторые феминистки [2]. Видимо, пришла пора попытаться понять, где здесь иллюзии, а где историческая реальность.

Из истории проблемы

Многие науковеды считают, что научное знание впервые возникло в Древней Греции. Если это так, то уже вместе с наукой родилась первая концепция, связывающая устройство общества с положением полов. Это была патриархальная теория, намеченная уже Платоном, но особенно четко сформулированная Аристотелем. Изначальным видом человеческого общежития, учил этот корифей античной мысли, была патриархальная семья с неограниченной властью отца семейства над женами, детьми и рабами; семьи образовывали селения, а селения - государства (Aristotel, *Politica* 1-111). Тем самым была выдвинута идея некой органичной триады - патриархальной семьи, классового общества, государства как вечных и неизменных устоев человеческого общежития. И хотя уже задолго до этого имелось много сообщений о народах, которые ведут происхождение по материнской линии и почитают женщин, идея Аристотеля, вошедшая в доктрину христианской церкви, определила абсолютное господство патриархальной теории не только в древности, но и в средние века и отчасти в новое время.

Положение стало меняться только с середины XIX в., когда естественно-научный эволюционизм, одержав блестящие победы в астрономии, геологии, физике, химии, биологии, начал проникать в науку о человеке и его культуре. Утвердившаяся здесь идея развития позволила обобщить и осмыслить разрозненные факты, противоречившие патриархальной теории. Особенно большую роль в этом отношении сыграли два труда: "Материнское право" (1861) швейцарца И.Я. Бахофена и "Древнее общество" (1877) американца Л.Г. Моргана. Первый из них, основываясь главным образом на материалах античной мифологии, показывал, что в древнейшей истории человечества патриархальным порядкам предшествовали материнский счет родства и наследование по материнской линии. Второй, опираясь преимущественно на данные этнологии, выдвинул тезис о коллективистском роде как форме организации первобытного общества и материнском роде как его начальной, допатриархальной стадии. Оба сделали вывод, что господству мужчин предшествовало господство женщин, патриархату - матриархат.

Создание в противовес патриархальной теории концепции матриархата как порядка, предшествовавшего патриархату, имело для того времени большое значение. Учение о первобытном коллективизме и его наиболее полном воплощении - матриархате - подрывало идею органичной патриархальной триады, а тем самым и неизбежность существовавшего

общественного строя. Поэтому естественно, что Ф. Энгельс высоко оценил заслуги И.Я. Бахофена и в особенности Л.Г. Моргана и в своей книге "Происхождение семьи, частной собственности и государства" не только развил концепцию первобытного коллективизма, но и воспроизвел его более частную матриархальную трактовку. И так же понятно, что в дальнейшем матриархальные сюжеты привлекли к себе заметное внимание, отразившись в обширной исследовательской литературе [3,4].

Между тем, как всегда, продолжали накапливаться факты. Они подтвердили созданную Морганом и развитую Энгельсом теорию первобытного коллективизма. Они позволили выдвинуть определенную аргументацию в пользу исторического приоритета материнского рода по отношению к роду отцовскому, патриархальному. Они заставили навсегда похоронить - и не только у нас, но и в исторически ориентированной западной литературе - просуществовавшую два с лишним тысячелетия патриархальную теорию. Не подтвердили они только одного - концепции матриархата в прямом значении этого слова, то есть первоначального господства женщины в семье и обществе.

В результате уже с 1950-х годов в отечественной историко-этнологической литературе появилось робкое, но по тем временам достаточно опасное возражение против отождествления материнско-родовой организации с матриархатом [5]. Но оно осталось гласом вопиющего в пустыне. Одни не хотели его замечать, опасаясь расхождения с официальной доктриной: ведь исторический приоритет матриархата был канонизирован не только Энгельсом, но и Лениным в "Лекции о государстве" и Сталиным в гл. 4 "Краткого курса". Другие не всегда читали центральные журналы. Вот только один пример из области кавказоведения. Матриархальную догму продолжали развивать адыговеды Е.С. Зевакин и Э.Л. Коджесау, осетиноведы В.И. Абаев, А.Х. Магомедов, Б.А. Калоев, А.Х. Чочиев, армяноведы С.Д. Лисициан, Э.Т. Карапетян, А.Е. Тер-Саркисянц, абхазовед Ш.Х. Салакая и другие.

Как же обстоит дело в действительности? Чтобы понять это, обратимся к современным данным этнологической реконструкции истории первобытного общества.

Мужчина и женщина в первобытной экономике

Теория первобытного коллективизма занимает особое место в понимании природы первобытнообщинного строя. Это принципиально важная концепция, а также один из немногих основных вопросов характеристики первобытного общества, в решении которых при всех расхождениях во взглядах в настоящее время преобладает единство мнений между серьезными учеными самых различных методологических ориентаций. Такое единодушие отразилось даже в сходстве терминологии. В отечественной литературе древнейший этап истории человечества называют первобытнообщинным, общинно-родовым или доклассовым, в литературе Запада - эгалитарным (от лат. *egalis*), то есть обществом равных.

Основными социальными структурами первобытности были род и первобытная община. Род - это коллектив людей, считавших себя связанными родством по одной, материнской или отцовской линии и консолидированных запретом внутривидовых браков (родовой экзогамией). Первобытная община - это продолжающая жить вместе, локализованная часть рода с пришедшими к ней по браку мужьями или женами сородичей. Чаще всего большая часть общины являлась членами одного рода, почему род и община в эпоху классической первобытности в основном совпадали друг с другом и были тесно между собой связаны.

Эта взаимосвязь имела не только социально-бытовой, но и экономический характер. В ранне-первобытном обществе вся земля - охотничьи, собирательские и рыболовные угодья - обычно считалась собственностью рода, но находилась в фактическом распоряжении общины. Причем не какой-нибудь одной части членов рода или общины, а всех сородичей или общинников - безразлично мужчин или женщин. В общественном производстве также в равной мере участвовали оба пола, хотя в силу естественно сложившегося разделения труда между полами охота и рыболовство считались мужским занятием, собирательство - женским. При этом распределение общественного продукта могло быть только уравнивающим, или

равнообеспечивающим. Если бы вдруг мужчины отказались делиться с женщинами, скажем, охотничьей добычей, то и женщины отказались бы делиться с мужчинами продуктами собирательства. А между тем и то и другое было в одинаковой степени жизненно важно для ранне-первобытных коллективов. При относительно низком уровне развития производительных сил, в условиях нередко экстремальных ситуаций эти коллективы не выжили бы без равнообеспечивающего распределения жизненных средств между своими членами. Это касалось тех, кто участвовал или не участвовал в различных хозяйственных предприятиях, здоровых и больных, взрослых и детей, мужчин и женщин. Таким образом, сама специфика социально-экономических, производственных отношений в раннепервобытном обществе предопределяла экономическое равенство всех членов родов и общин, в том числе и представителей разных полов.

В позднепервобытном обществе человечество на магистральном пути развития стало переходить от охоты, собирательства и рыболовства к земледелию и скотоводству. В других областях ойкумены, малопригодных для новых отраслей хозяйства, присваивающая экономика сохранилась, но стала более специализированной и высокоразвитой. Возросшие производительные силы сделали возможной некоторую парцелляцию отношения к условиям производства, самой хозяйственной деятельности и распределения. В составе общинно-родовых коллективов стали все больше обособляться отдельные семьи. Они получали в пользование участки родовой земли, владели собственным скотом, самостоятельно производили многие хозяйственные операции. Общественный продукт теперь все чаще распределялся между ними не уравнилельно, а по затраченному труду.

Но и теперь ни мужчины, ни женщины не стали единоличными собственниками оставшихся общинно-родовыми условий производства и не отстранили противоположный пол от участия в общественно полезном труде. В примитивном земледелии одни операции, преимущественно требовавшие физической силы, производились мужчинами, другие, преимущественно наиболее трудоемкие, - женщинами. В высокоспециализированном присваивающем хозяйстве по-прежнему сохраняли свою роль как мужские охота и рыболовство, так и женское собирательство. Большие возможности для выдвижения на передний план мужского труда предоставляло скотоводство, и в прошлом считалось, что с возникновением пастушества как первого крупного общественного разделения труда женщина была отстранена от участия в общественно полезном производстве. Но в свете современных данных раннее скотоводство еще повсеместно сочеталось с земледелием и, стало быть, не создавало условий для общего вытеснения женского труда мужским. Словом, и в позднепервобытном обществе вплоть до эпохи его распада нормой оставалось равное участие мужчины и женщины в экономической жизни коллектива. Это обстоятельство уже давно привлекло к себе внимание этнологов, в том числе и сторонников матриархальной теории, которые, однако, не сделали из него надлежащих теоретических выводов [6].

Принципиальному экономическому равенству членов первобытных коллективов не мешало то, что они отнюдь не были единообразной недифференцированной массой. Свойственное первобытному обществу разделение труда между полами было выражено куда резче, чем когда-либо в последующей истории человечества, и сопровождалось своего рода обособлением полов в хозяйственной деятельности, общественной жизни и идеологии. У многих охотничье-собирательских племен даже не разрешалось, чтобы женщина дотрагивалась до мужских орудий труда, а мужчина - до женских. То же позднее сохранилось на стадии раннего земледельческого и скотоводческого хозяйства. Так, например, у индийского племени тогда женщины не должны были подходить к домашнему скоту и даже ходить по тропинкам, ведущим к доильням. В ряде первобытных обществ обычным явлением была бытовая изоляция полов. Мужчины и женщины нередко и жили раздельно. Мужчины имели свои обряды, религиозно-магические культы, иногда даже тайные языки, женщины - свои. Существовали специфически мужские и специфически женские обязанности и привилегии. На основе жесткого межполового разделения труда и связанного с ним общего обособления мужчин и

женщин возникали их разные социально-бытовые статусы, но это не были неравные, иерархизованные статусы, ведущие к господству одного пола над другим.

Существуют ли вообще какие-нибудь доводы в пользу экономического доминирования женщины в первобытном обществе? Многие сторонники матриархальной теории, хорошо понимая определяющее значение экономики, старались такие доводы найти. Говорилось об относительно большем значении женского собирательства по сравнению с мужскими охотой и рыболовством, о большей надежности результатов собирательского хозяйства по сравнению с результатами хозяйства охотничье-рыболовческого и т.п. Но собирательство имеет преимущественное значение только у племен некоторых областей южного полушария, составляя здесь большую часть получаемого в хозяйстве продукта [7, 8], и к тому же даже у этих племен отнюдь не выявлено господство женщин. Другой распространенный довод - большое значение женского труда в домашнем хозяйстве, заготовке впрок таких продуктов мужской хозяйственной деятельности, как охота и рыболовство. Однако этот аргумент не может рассматриваться как достаточно весомый. Чтобы запастись впрок мясом или рыбой, надо их сначала получить, а добыча была делом мужчины.

Формы рода и положение полов

Экономика - определяющий, но не единственно действующий в обществе фактор. Неравенство полов при первобытнообщинном строе могло бы вызываться к жизни и другими, чисто социальными или даже идеологическими причинами. И действительно, основным доводом большинства сторонников матриархальной теории в защиту своих взглядов всегда была апелляция к историческому соотношению материнской и отцовской форм рода, хронологическому приоритету первой из них. Ведь если первоначальный род был материнским, утверждали они, то уже одно это создавало пусть не экономические, но социальные предпосылки для общественного преобладания женщин, их господствующих позиций в роде, родовой общине, семье, идеологической жизни. Рассуждая точно таким же образом, противники матриархальной теории доказывали, что первоначальный род был отцовским, а в дальнейшем - что обе формы возникали параллельно, без какой-либо исторической детерминированности и закономерной последовательности.

Вопрос об историческом соотношении материнского и отцовского рода долгое время оставался остро дискуссионным. Конечно, со времен И.Я. Бахофена и Л.Г. Моргана чаша весов заметно склонялась в сторону тех, кто отстаивал приоритет материнского рода. Аргументация их была многообразной и веской. Первый аргумент был выдвинут уже самими создателями матриархальной теории: индивидуальному браку предшествовал групповой, а стало быть, отцовство оставалось неизвестным. Но бесспорным этот аргумент отнюдь не был. Возражения на сей счет сводились к следующему. Во-первых, существование группового брака нельзя считать сколько-нибудь доказанным и, во-вторых, даже при допущении группового брака и неизвестности биологического отцовства известно было отцовство социальное, определяемое принадлежностью всей группы "отцов" к определенному, взаимобрачному с данным родом роду.

Однако в конце XIX в. английский этнограф Э. Тайлор добавил к старому новый довод в пользу исторического приоритета материнского рода. Этнографии известно множество фактов перехода от материнского рода к отцовскому, но почти ни одного факта обратного перехода. Соответственно мы постоянно встречаемся с пережитками материнского рода в отцовском роде и никогда - с обратной этому ситуацией [9]. Современные этнографы обнаруживают все новые и новые свидетельства былой материнско-родовой организации у племен, еще недавно считавшихся отцовско-родовыми или вообще безродовыми (ведда Шри-Ланки, многие племена Северной и Южной Америки, часть эскимосов и др.) [10]. Все же и на это находились контраргументы. Пережитки материнского рода в отцовском? Но с тем же успехом можно допустить, что здесь перед нами не остатки старого, а зародыши нового состояния общества.

Обнаруживаются новые материнско-родовые племена? Но ведь обнаруживаются и новые племена с отцовско-родовым строем. И т.д. и т.п.

Решающее значение до недавнего времени имела зафиксированная у аборигенов Австралии, то есть у одной из наименее развитых из известных этнологии крупных групп племен, загадочная ситуация, названная исследователем первобытного общества М.О. Косвенем "австралийской контроверзой". При одном и том же уровне социально-экономического развития одни племена аборигенов Австралии были организованы по материнско-родовому, а другие - по отцовско-родовому принципу. Это давало известные основания говорить о параллельном возникновении обеих форм рода.

Сегодня "австралийскую контроверзу" можно считать в какой-то мере объясненной. Показано, что при исходной материнской форме рода уже в раннепервобытном обществе возможны два основных варианта развития родового строя. Оба они связаны с тем, что в определенных природных условиях, какие, в частности, имели место в Австралии, уже относительно рано начиналась какая-то парцелляция производства и, соответственно, потребления. При этом зачаточно-парцеллярные ячейки, состоявшие из женщины с ее детьми и охотника-мужчины, могли иметь двоякий характер. В одних случаях таким мужчиной оказывался брат женщины, и возникала ячейка, называемая "материнской семьей". В других случаях им оказывался муж женщины, и возникала "нормальная" парная семья. Зависело это от того, насколько отдалялись друг от друга взаимобрачные группы при бродячем образе жизни: живя по соседству, супруги имели возможность встречаться, оставаясь в своих группах; оказываясь разобщенными большими расстояниями, они должны были поселиться вместе. Первый вариант делал возможным, особенно в условиях перехода к оседлости, длительное сохранение материнского рода; второй обычно вел, особенно при длительном сохранении бродячего образа жизни, к смене материнского рода отцовским. Нередко бывало и так, что в обществе надолго сохранялось сосуществование собственно семейных и материнско-семейных связей. У аборигенов Австралии, тысячелетия занимавшихся бродячей охотой и собирательством, "материнской семьи" уже не было, но она хорошо известна в других обществах, что позволило исторически реконструировать ее первоначальную австралийскую форму [11].

Однако одно дело - вопрос о первоначальной форме рода и совсем другое - вопрос о положении в нем женщины. Как показывают этнографические данные, относящиеся ко всем без исключения раннепервобытным и позднепервобытным племенам, сохранившим материнский род, женщины никогда не занимали господствующего положения. Ни определение принадлежности к роду по линии матери (матрилинейность), ни сохранение ячеек типа "материнской семьи", ни даже поселение мужа в группе жены (матрилокальный брак) не ставили мужчину в сколько-нибудь зависимое, подчиненное, приниженное положение. При матрилокальном браке женщины с их детьми и частично остававшимися жить здесь же неженатыми сородичами-мужчинами численно преобладали над своими пришедшими сюда по браку мужьями. Но такое преобладание не вело к доминированию женщины. Первобытные общества, в которых женщины были бы традиционными главами родов, общин, а тем более племен, этнологией не зафиксированы. Этими главами в материнско-родовых обществах были братья женщин. Вообще известно немало примеров того, что в материнско-родовых обществах женщины обладали меньшим общественным и семейным весом, чем мужчины [12-14]. Да это и понятно. Мужчина, как правило, сильнее женщины, и в случаях острых конфликтов может настоять на своем простым рукоприкладством. Именно такие ситуации хорошо известны у тех же аборигенов Австралии, и не только у них.

Реконструкция матриархальной стадии на начальной ступени первобытного общества всегда основывалась не столько на этнологических данных, сколько на сообщениях античных и средневековых авторов о каких-либо экзотических порядках, вырванных из общей системы общественной жизни. Такие сообщения можно разбить на три основные группы. Первая - известия о матрилинейности или матрилокальности, например, Геродота о ликийцах, Полибия об италийских локрах, Г.-Т. Сагара об индейцах-гуронах и др. Они ни в коей мере не

равносильны свидетельствам о матриархате. Вторая - сообщения о равноправном, достойном и даже почетном положении женщин, например, Плутарха о кельтах, Тацита о германцах и т.д. Они также не доказывают матриархата как господства женщин. И, наконец, третья - прямые упоминания о том, что мужчинами правят женщины, например, Скилака о савроматах, Плиния об индийских пандах, ал-Масуди и Ж.-Б. Тавернье о жителях некоторых островов Индонезии. Они могут быть вполне достоверными, но свидетельствуют о матриархате не больше, чем правление императриц в России или королев в Западной Европе.

Так называемый поздний матриархат

Если первобытное общество было обществом равных, то в эпоху его разложения стали возникать отношения общественного неравенства и, соответственно, господства и подчинения. Разумеется, социальная дифференциация - это совсем не то же самое, что неравенство в положении полов. Но одно может питать и стимулировать другое. Не создавались ли в процессе разложения первобытного общества такие ситуации, при которых делался возможным матриархат или хотя бы подобие этого порядка? Некоторые отечественные исследователи, лишь с оговорками пользующиеся термином "матриархат" для классического первобытного общества, применительно ко времени его разложения пишут о развитом, или позднем матриархате.

Основанием для этого послужило существование некоторого количества своеобразных обществ, которые всегда фигурируют в качестве образца "позднематриархальных". К их числу принадлежат материнско-родовые общества меланезийцев Тробрианских островов и микронезийцев острова Трук в Океании, малайцев-минангкабау Суматры, наси Южного Китая, гаро и кхаси, а также каст наяров и тийяров в Индии, ашанти, яо и ряда других народов Тропической Африки, ирокезов, тлинкитов и индейцев пуэбло в Северной Америке. Основными особенностями большинства этих обществ можно считать следующие. Свыше половины их (по подсчетам некоторых американских этнологов, 56%) занимаются преимущественно мотыжным земледелием, то есть у них не получило сколько-нибудь значительного распространения разведение крупного рогатого скота, применяемого в плужном земледелии. В связи с этим давно уже существует взгляд, что сохранение такими обществами материнско-родовой организации или ее очень заметных остатков объясняется отсутствием или неразвитостью скотоводства и ведущей ролью женского труда в мотыжном земледелии - этом своего рода огородничестве. В частности, обращено внимание на то, что в Тропической Африке такие общества в основном сосредоточены в областях, где из-за мухи цеце нельзя держать погибающий от ее укусов крупный рогатый скот. Но этот взгляд не общепринят и, видимо, слишком категоричен. Ведь материнско-родовые общества зафиксированы также в условиях высокоспециализированного рыболовческо-охотничьего хозяйства (например, у тлинкитов) и плужного земледелия (скажем, у минангкабау или наяров).

Для тех из этих обществ, у которых наиболее выражены материнско-родовые порядки (трукез-цы, минангкабау, часть кхаси, ашанти, яо, ирокезы), характерна не столько собственно семья, сколько "материнская семья" для многих других - сильнейшие ее остатки. У них сохранялась не только матрилинейность, но и матрилокальность или авункулокальность (брачное поселение в группе брата матери), нередко даже дислокальность (проживание каждого из супругов в своей группе с эпизодическими брачными встречами) или амбиолокальность (попеременное проживание супругов в той или другой группе). Очень крепки были экономические и бытовые связи человека с братом его матери: с ним часто вели общее хозяйство и еще чаще ему наследовали, к нему обращались за помощью, советом и т.п. Общие экономические интересы супругов были слабы, слаба была и связь детей с отцом, а нередко она практически отсутствовала совсем. Ясно, однако, что факт выраженных "материнско-семейных" отношений или их сильнейших остатков сам по себе ничего не объясняет. Напротив, он требует объяснения в такой же мере, как и весь комплекс сохраняющихся при данном варианте развития ярких материнско-родовых явлений и черт.

В этнологии пока нет удовлетворительного и общепринятого объяснения причин этого варианта развития. Может быть, единой причины нет вообще, а в разных случаях свою роль играли специфические сочетания направлений хозяйственной деятельности, особенностей разделения труда между полами и другие пока еще не вполне ясные факторы. Уже говорилось, что часто, хотя и не всегда, "позднематриархальные" общества были мотыжноземледельческими, или огородническими. Обращено внимание также на то, что в каких-то случаях особой сохранности материнско-родовых черт способствовали условия относительной изоляции в своего рода пустынных или горных экологических нишах, как это было, например, у туарегов Сахары [15]. Этнолог и археолог С.П. Толстов считал, что сохранение материнско-родовой организации вплоть до возникновения классов и государства вообще является нормальным путем развития первобытного общества, а патриархальная организация при всей своей распространенности развивалась лишь там, где переход к цивилизации протекал особо медленными темпами [16].

Имеются факты, заставляющие в определенной мере учитывать и эту точку зрения. В ряде древневосточных, античных и средневековых государств выявлены заметные остатки материнско-родовых порядков. Так, например, в древнем Египте сохранялся и даже преобладал над отцовским материнский счет родства, и в жизни человека очень большую роль играли его дядя или дед по материнской линии. Материнский порядок родства и наследования еще только вытеснялся отцовским, и поэтому египетские фараоны женились на своих сестрах и дочерях, чтобы их дети были им одновременно племянниками или внучатыми племянниками по материнской линии. В Хеттском царстве престол первое время передавался по женской линии. В раннеклассовом обществе этрусков сохранялась материнская филиация. В ахейской Греции, как показывают некоторые мифы, материнское родство значило больше отцовского. В Тропической Африке в государстве Конго престол первоначально передавался от материнского дяди к племяннику, в государствах Лунда и Буганда цари женились на своих сестрах. В этих же и других африканских царствах жены или матери царей считались их соправительницами, в связи с чем в государстве Иоруба даже возник обычай ритуального умерщвления матери царя. В южноамериканских государствах инков и муисков правители также женились на своих сестрах.

Однако для нас в данном случае важно другое. Сопровождались ли на этом пути развития материнско-родовые порядки или их пережитки матриархатом как господством женщин? Ни в коей мере. Особенность данного варианта в отличие от варианта патриархального в том, что женщина оставалась полноправной, уважаемой, часто влиятельной, но не больше. И это хорошо видно на примере даже наиболее ярких из "позднематри-архальных" обществ.

У микронезийцев острова Трук во главе родовых групп стояли мужчины, и им же принадлежали все другие социально значимые роли. То же было у минангкабау, кхаси, яо и ашанти, хотя у последних домохозяйства - "материнские семьи", по некоторым сведениям, могли возглавляться как мужчинами, так и женщинами. Имеются сообщения, что женщины могли возглавлять такие же домохозяйства - "овачиры" у ирокезов, но по другой версии они должны были делить власть со своими старшими братьями. Какие сообщения об ашанти и ирокезах больше соответствуют истине, теперь установить трудно, и намного важнее то, что даже реальное главенство женщины в низовой ячейке общества вообще мало о чем говорит. Как и во всех других материнско-родовых обществах, в обществах "позднематриархальных" вождями всегда избирались мужчины, и у ашанти или ирокезов дело в этом отношении обстоит так же, как и у остальных племен. О том, что главенство женщины в низовой ячейке общества малопоказательно, свидетельствует и другое обстоятельство. Известно, что даже в условиях выраженного патриархата, например, у кавказских горцев, болыпесемейные хозяйства по смерти старшего мужчины нередко возглавлялись его вдовой - матерью семейства [17]. И патриархат от этого не переставал быть патриархатом. Поэтому интереснее сообщения о том, что в африканском царстве Бушонго верховным главой государства считался не царь, а его мать. Однако эта ситуация уникальна, и если даже она существовала в действительности, мы сталкиваемся здесь с исключением, не меняющим правила.

Таким образом, и так называемый поздний матриархат не был временем господства женщин, матриархатом в собственном смысле этого слова.

Наступит ли матриархат в будущем?

В начале статьи уже приводилось мнение В.А. Геодакяна, что матриархат не только существовал в прошлом, но может возникнуть в будущем. Его основной аргумент идет от биологии: "слабый пол" более стабилен, чем "сильный". Но есть и противоположная, также биологическая трактовка проблемы: "сильный пол" активнее, агрессивнее и имеет как бы протекционистские функции над "слабым". Поэтому мужчины всегда господствовали над женщинами и будут господствовать в будущем [18]. Это не единственная подобного рода точка зрения: имеются попытки объяснить неизбежное господство мужчин культурно-историческими причинами (скажем, многовековыми патриархальными традициями) [19].

В прошлом, как мы видели, матриархата не было. Но не наступит ли он в будущем? Все мы свидетели того, как в западных странах (и не только там) стремятся выдвинуть женщин на руководящие посты. Здесь, несомненно, присутствует комплекс вины. Ведь, например, в США женщин выдвигают вперед наряду с неграми. И повсеместно уже немало женщин "наверху": женщины-президенты, женщины-дипломаты, даже женщины - военные министры. И все-таки это не правило, а скорее исключение из правила. Какова доля женщин среди президентов и других "первых лиц"? Какова их доля среди лауреатов нобелевской премии?

И это не случайно. Никакие законы общественного развития не в состоянии уничтожить естественные последствия полового диморфизма. Вынашивает и вскармливает ребенка женщина, и едва ли когда-нибудь значительная часть человечества перейдет к тому, чтобы получать детей "в колбах". Воспитывает маленьких детей также в основном женщина. А репродуктивный цикл отнимает у женщины время и силы, которые мужчина использует в других сферах жизни, обгоняя женщину. И поэтому, как правило, женщина обгоняет мужчину тогда, когда она не замужем, не рожала, не воспитывает ребенка или детей. Фундаментальное различие в ролях мужчины и женщины, появившееся в филогенезе, не может не продолжаться в онтогенезе.

Правда, цивилизованное общество обладает определенными возможностями компенсировать матери ее преимущественную роль в продолжении человеческого рода. Уже в ранне-индустриальном обществе возникают возможности для преодоления женского закрепощения, свойственного предшествующим эпохам предклассовой и классовой истории, и эти возможности постепенно начинают реализовываться. Тем более велики такие возможности и действительны рычаги их реализации в обществе индустриальном. Они хорошо известны, и в этой статье незачем останавливаться на попытках ликвидировать неравенство и обеспечить социально-экономическое и культурное равенство женщины с мужчиной в цивилизованных странах. Видимо, не за горами время, когда будут преодолены остатки бытового неравенства женщины. Все это - возвращение на новом уровне к той активной роли, которую играла женщина в доклассовом обществе на протяжении большей части, а нередко и всей его истории. Причем это - именно новый и несравненно более высокий уровень, так как тогда мужская и женская сферы деятельности, равноценные в социально-экономическом и культурном отношении, все же оставались наглухо разгороженными, разорванными, изолированными, а теперь перегородки между ними в основном упали или падают.

Но все это происходит и будет происходить не за счет установления господства женщины над мужчиной, возрождения некоего иллюзорного матриархата. У историков нет фактов, позволяющих говорить, что матриархат существовал в прошлом. Точно так же у футурологов нет доводов в пользу того, что матриархат когда-либо наступит в будущем.

Литература

- Геодакян В.А. О структуре эволюционирующих систем // Проблемы кибернетики. Вып. 25. М.: Наука, 1972.
- Reed E. Women's Evolution. N.Y.: Aldin. 1975.
- Briffault R. The Mothers. The Matriarchat Theory of Social Origins. N.Y.: Macmillan. 1931.
- Косвен М.О. Матриархат. История проблемы. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1948.
- Монгайт А.Л., Перший, А.И. Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет // Вопр. истории. 1955. № 1.
- Аверкиева Ю.П. Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества // От Аляски до Огненной земли. М.: Изд-во АН СССР. 1967.
- Lee R.B. The Kung San. Woman and Work in a Foraging Society. Cambridge: Cambridge University Press. 1979. P. 450.
- Sahlins M. Stone Age Economics. N.Y.: Aldin. 1981. P. 14-15.
- Tylor E.B. On a Method of Investigation the Development of Institutions // Journ. of the Royal Anthropological Institute. 1989. V. 18. № 66.
- Файнберг Л.А. Возникновение и развитие родового строя // Первобытное общество. Основные проблемы развития. М.: Наука, 1975.
- Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М.: Мысль, 1974.
- Richards A.I. Some Types of Family Structure among the Central Bantu // African System of Kinship and Marriage. L.: Basil Blackwell. 1950.
- Oliver D.L. A Solomon Island Society. Cambridge: Harvard University Press. 1955.
- Service E.R. Primitive Social Organization. N.Y.: Random House. 1962.
- Першиц А.И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М.: Наука, 1968.
- Толстов С.П. Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии // Вопр. истории. 1961. № 11.
- Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX-XX в. М.: Наука, 1983.
- Parker S. and H. The Myth of Male Superiority // American Anthropologist. 1979. V. 81. №2.
- Tiger L., Fox R. Imperial Animal. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston. 1971.